

Борис Нестеренко

Тракторная рапсодия

Рассказ

Борис Нестеренко, Новосибирск

Борис Михайлович Нестеренко родился в д.Шагирка Кыштовского района Новосибирской области 22 мая 1951 года. Закончил Свердловское суворовское училище (1970г.). Автор книг: "Кадетская душа"; "Слово верное"; "Всё будет хорошо"; "Тёплый дом" и др. Печатает свои произведения в порталах Стихи.ру, Проза.ру. Член Союза Писателей России.

Уже минуло четыре дня, как мы гостим у моей двоюродной, или, как у нас говорят, сродной, сестры Нели. Она на пару лет старше меня и так и не выбралась на жительство в город, оставшись в родной Бочкарёвке и выйдя здесь замуж за первого парня на селе и школьную ещё свою любовь Генку Лакетко. Неля с Геннадием живут душа в душу, народили двух замечательных пацанов и обустроили добротный дом и крепкое хозяйство.

Давно уже собирался я побывать на своей малой родине и, наконец-то, вырвался из душного и провонявшего мазутными запахами Новосибирска в родную сибирскую глубинку, в районный центр Кыштовку, прихватив с собой свою новую супругу Наташу и сынишку от первого брака 12-ти летнего Артёмку. Два часа лёта на двухмоторной чешской «Элке», промежуточная посадка в Барабинске – и мы на месте. На грунтовом аэродроме нас уже поджидал мой сродный, а Нелин младший брат Юра, помладше меня годами, но поглавнее по должности – секретарь Кыштовского райкома комсомола, приехавший за нами, соответственно, на новеньком служебном «Уазике».

Переночевали мы у Юры и рванули на этом «Уазике» в Бочкарёвку, поближе к моей малой родине. Давненько, лет десять не бывал я в этих краях, многое сильно изменилось: появилась новая дорога из райцентра до Бочкарёвки, туда стал ходить рейсовый автобус, заметно для глаз увеличилось число автомобилей. Погода прекрасная, разгар июля месяца, солнце печёт, из перелеска ветерком натягивает такие запахи разнотравья, что с непривычки кружится голова.

- А знаешь, Боря, - подал голос из-за руля Юра, - а ведь в твоей родной Шагирке уже давно никто не живёт, и домов уже не осталось. Лет пять содержали там летом отделение колхоза, телят откармливали, сено заготавливали, но всё на временной основе. А лет пяток, как там и отделение

свернули. Ты слышал такое выражение – «бесперспективная деревня»? Башка у них бесперспективная – сначала закрыли школу, потом магазин с почтой, а потом хватились, перспективы нет! Пропала деревня.

Я в ответ только выругался. А что я мог сказать? Против лома нет приёма! Властям видней в смысле перспективы, а нас и не спрашивают. Не стало деревни, в которой я впервые осознал себя человеком, хоть и голопузым, но вполне самостоятельным. Не стало людского поселения, в котором я лет пяти от роду научился читать и в котором впервые пошёл на рыбалку и в школу. На рыбалку, конечно, раньше.

«Уазик» резво бежал по щебёнке насыпной дороги, на заднем сиденье Артёмка и Наташа громко восхищались набегаящими видами первозданной тайги и цветочных полян, а мне от Юриных слов взгрустнулось и я, несмотря на лёгкую тряску, погрузился в воспоминания и почти что задремал от этого нелёгкого занятия.

Минут через сорок мы подъезжали к Нелиному дому. Сразу видно – дом справный, надворные постройки крепкие, люди здесь живут хозяйственные.

Юра посигналил, и из калитки буквально вылетели два пацана-погодка, беленький, как лён, и красненький, как огонёк. Беленький был постарше.

- Серёжа, Женя, людей не стопчите, - вышла за ними Неля, - с приездом, гости дорогие! Мы обнялись, расцеловались и стали проходить в дом. Сытые собаки во дворе поленились на нас даже головы поднять, и, лёжа в тени, только изредка вздрагивали всем телом, стряхивая обнаглевших мух.

Вот и добрался я с семьёй до Бочкарёвки. Здравствуй, Родина моя!

Встреча прошла по полной программе, с обниманиями, целованиями, с неприменными «а помнишь...» и с термоядерной самогонкой в 10-ти литровой бутылки, поднятой Геной из подпола. Я тогда, грешным делом, ещё

«принимал на грудь» и принимал изрядно, как все. Время и место были такие – Советский Союз, год 1988-ой! Народ пропивал последние коммунистические иллюзии, а кремлёвская партократия, похоже, не представляла и в эскизе того магистрального пути, по которому можно было бы вывести государство из накопившихся проблем, неустройств и дефицитов.

Вечер выдался замечательный. Во-первых, с Артёмкой всё было «в ажуре», он и племяши мои по-быстрому сдружились, и уже через полчаса они выкатили на улицу старенький, грозно ревущий мопед и стали обучать моего городского сына премудростям езды на этом железном коне. Вот так сама собой решалась задача по деревенской, я бы сказал, реабилитации мальчишки, практически ничего не умеющего делать руками. Я за сына стал спокоен.

Ну, а, во-вторых, вечер задался гостями. И песнями! Конечно, многие мои сверстники и друзья детства разъехались, но ведь не все же! Пришёл первый гармонист на деревне Лёня Жеребцов, пришёл порезанный по пьянке заезжими ингушами Костя-библиотекарь и привёл с собой супругу Нину, Сидорову в девичестве, с которой я, будучи в суворовском отпуске после первого года обучения, ох как дружил! Никак мы с ней досыта нацеловаться не могли!

Были мои двоюродные дядьки по материнской линии, в том числе и дядя Коля Мищенко. О нём бы отдельно рассказать, всей своей жизнью он этого заслуживает, не человек, а песня.

Фронтовик-артиллерист с искалеченной ногой, он трудился за четверых. Он никогда ни дня не состоял в колхозе, единоличник, а, значит, все неудобья были его – заготовка дров в осиннике, покосы на болоте и в кочкарнике при полном отказе в выделении коня для вывоза накошенного из леса. Частник? Ну, и крутись, как знаешь. И он крутился, а ещё, единственный в округе, содержал пасеку и из отбракованного мёда ставил вкуснящую медовуху и выгонял из неё невероятный по качеству самогон. Теперь я бы сказал – наносамогон!

А как замечательно он пел! Вы же понимаете, что дело непременно дошло до песен, это вам не поп-культура! Не буду перечислять уже основательно забытые названия песен, но вот совершенно замечательно пелись за столом... украинские песни. Дело в том, что наши деды и прадеды осваивали эти сибирские края, будучи столыпинскими переселенцами в рамках государственной земельной реформы. И приехали они сюда, в основном, с Украины, тогдашней Малороссии, с Полтавщины. В застольном песенном репертуаре это ощущалось с удивительной красотой. Признаюсь, и я пытался подпевать землякам, но получалось что-то невразумительное.

Славно нас встретили! Утром я почувствовал это особенно чётко. Неля и Гена уже были на работе, а я с племянниками произвёл осмотр дома и хозяйства. Обнаружил в амбаре три сломанных телевизора.

- А нам их ремонтировать негде, - разъяснил мне старший племянш Серёжка, - как ломается, мы новый покупаем!

И пока Наташа с подошедшей Нелей разбирались с платьями и кофточками из сумок и готовили завтрак, я отремонтировал два из трёх телевизоров, благо неисправности там были плёвые и легко устранимые. Я паяльник дольше искал.

- Неля, а как бы мне на родину съездить, в Шагирку? – спросил я благодарную за неожиданную помощь сестру, - туда хоть проехать можно?

- Можно, - ответила Неля, - вот Генка придёт с работы, с ним и поговори.

Ну, что ж, подожду, поговорю. Благо, есть, чем заняться – рядом моя ненаглядная речка Чёка, за речкой смешанный лес с ягодниками и косачами, кормящимися сладкой лесной ягодой, а если углубиться в лес, то можно встретить и лису, и ласку, и даже Михайла Потапыча. Медведи, по Серёжиным словам, в деревне уже всех достали!

- Борис, тут тебя дед Яков спрашивает! – раздался со двора Нелин голос, и я, отложив в сторону Серёжкину коробочку с рыболовными крючками, пошёл на зов.

Во дворе меня поджидал самый настоящий сказочный персонаж. Я опешил даже от такого сюрприза. Под навесом в тени стоял дедушка невысокого роста, мне по плечо, примерно, и одетый по последней моде моего голоногого послевоенного детства: на седой нестриженной голове картуз-восьмиклинка с измятым козырьком и пуговкой на макушке, тело прикрыто рубахой-косовороткой с опояской из какой-то верёвочки, а ниже холщовые штаны из самотканого полотна неопределённого цвета, заправленные в сыромятные чирки домашнего пошива. В левой руке у него зло дымились десятисантиметровая, не менее, самокрутка из газеты, а в правой руке утвердилась узловатая черёмуховая палка. Мы поздоровались, и я пригласил дедушку присесть.

- Значить, ты и есть Мишкин сын? – начал беседу дед. - Дерзкий парень был, как он теперь?

Я коротко рассказал, что пару лет назад отец, бросивший нашу семью в 1963 году, приезжал в Новосибирск, как чувствовал, проститься. Мы с ним повидались у его младшего брата, дяди Николая, и в скорости отец умер где-то в Мордовии.

- Вот, непутёвая голова, - сквозь кашель после очередной затяжки промолвил дед, - а ведь семья у него была сурьёзная! Ах, война, мать её ити, как людей покорёжила. Которых не убила. Отец его, дед твой, значит, Исак, силён был шибко. Зашёл он как-то в Правление по делу, а там в углу мешки с рожью лежали. Он дело-то выправил, сунул незаметно мешок под тулуп, да так и ушёл, прижав мешок под мышкой одной рукой. А в том мешке аржи пудов пять! Силён был Исак.

- Дедушка, а по маминой линии родства, что скажешь? – с неподдельным интересом стал я выпрашивать. – Побережнюков помнишь?

- Ну, как не помнить, когда твой дед Онофрий Максимович при Колчаке был на деревне старостой, а при советской власти, мать её ити, председателем колхоза в войну. Грамотный был шибко, его ссыльные поляки выучили, он и в пехотном полку в Тифлисе ещё до Империлистической урядником служил, помощником комвзвода. Да вот в веру свою баптистскую шибко ударился, потому и на службе не остался, потому и уцелел, слава Богу! Чего лыбишься, Михалыч? Шибко ты на батьку похож! Ну, вылитый.

- Ну, как тут не улыбаться, дедушка, - отвечал я. – Когда учился я в военном училище, то тоже был, как дед Онфрий, и урядником, и помощником комвзвода! И по службе, как и он, дальше не пошёл, и во Христа верую, но вот дедов уклон баптистский не признаю. Вечная Онфрию Максимовичу память и Царствие небесное! - Я перекрестился.

- Вона как, стало быть, ты, внучок, душа православная? Ну, тогда заходи к деду Якову в гости, подарок есть для тебя дорогой, тебе по душе будет, а мне такой подарок в чужие руки отдавать не хочется. Я ведь один остался, Нюрка-соседка за мной присматривает, чтоб я сигаркой дом не спалил. Ха-ха-ха, - на удивление звонко рассмеялся дед.

Подошли Неля с Серёжкой.

- Познакомились? – спросила Неля. – Это, Борис, наш ветеран, Яков Хрисанфыч Бочкарёв, из первопоселенцев. Ему уже 102 года, но, как видишь, ещё на ногах. Стопочку выпьешь, Яков Хрисанфыч?

- Отчего ж не выпить, внучка, - отвечал ей дед Яков, - благословясь, с гостем твоим выпью.

И Неля пошла за обещанной стопочкой. А мне хочется сделать здесь небольшое отступление, исторический экскурс.

Итак, немного истории с географией. Мне не хочется, чтобы читатель запутался в названиях и блуждал на незнакомой местности, поэтому уточняю некоторые детали.

Кыштовский район находится на самом севере Новосибирской области, а до села Кыштовки от областного центра более пятисот километров. Потом порядка семидесяти километров покрытой гравием дороги – и мы в Бочкарёвке, миновав по пути Черновку и Колбасу, сёла более крупные и благополучные. Вот в Бочкарёвке и проживала моя родная тётя по маме Полина Кузнецова, почти всю свою жизнь посвятившая протекающей через село реке моего детства Чёке. Сколько я её помню, тётя Поля работала на реке, специальными приборами измеряя периодически уровень воды, её температуру, скорость и прочее всё такое. Имелась у неё кладовочка с приборами, журналом наблюдений и казённая лодка.

Младший её сын Юра, встречавший нас на лётном поле, окончил у нас в городе Сельхозинститут и трудился в райцентре секретарём райкома комсомола, а дочь Неля, выйдя замуж, так и осталась в Бочкарёвке, унаследовав и материнскую должность на реке.

Но село Бочкарёвка – не моя родина. Моя родина – деревня Шагирка, в семи километрах вверх по течению Чёки. Именно здесь родились мои родители (простите за тавтологию), в Шагирке прошло моё босоное детство, здесь пошёл я в первый класс и начал познавать окружающий мир.

На север по реке километрах в шести от Шагирки стояла когда-то деревня Чебурда, а ещё в пяти километрах севернее на речке Узас, впадающей в Чёку, жила-была когда-то пограничная деревня Узас. И всё, конец цивилизации.

Если доставало желания и настойчивости, то необходимо было пройти километров двадцать почти полного бездорожья, миновать три Албацких ручья, совершенно непроходимых весной и осенью, и оказаться на границе Васюганья – заповедного края непроходимых болот и урманов, царства клюквы и медведей, уходящего далеко на север в Томскую область.

Все эти деревни и сёла Черновского сельсовета основали в начале двадцатого века переселенцы из Малороссии, с Полтавщины, в рамках Столыпинской земельной реформы. В богатую и сытую Сибирь они уезжали от безземелья, голодухи и тягот общинного жизнеустройства. И уезжали очень грамотно и толково. Сначала на место выезжала «разведгруппа», договаривалась с местным «обществом», подыскивала место для деревни, оформляла на месте в земельном комитете документы, а затем привозила основной контингент переселенцев с чадами, домочадцами и нехитрым скарбом. И ехали люди сюда вполне спокойно, ибо на базовой для переселенцев станции Транссиба Татарская их уже поджидали уполномоченные по переселению. Здесь, исходя из количества едоков в семье, приезжим выдавалось всё необходимое: кони, коровы, телеги, плуги, посадочный материал. И деньги. Вот так при царе-батюшке проводилась в России земельная реформа. Поучились бы современные «рыночники» у дедов наших, как в стране реформы проводить!

Была ещё во время Отечественной войны между Бочкарёвкой и Шагиркой одна деревня, называлась она Латыши, жители которой, как я теперь понимаю, являлись депортированными прибалтами. Но, как она в сороковом году в один день образовалась, так в начале пятидесятых в один день из неё все жители и съехали, бросив скот, дома, посадки и могилы на кладбище. Деревни не стало, как и не было.

Но вернёмся в Бочкарёвку. Как там дед Яков? А очень даже неплохо – Неля вынесла полграфинчика самогонки, порезала пару-тройку огурчиков с

помидорчиками и пригласила Якова Хрисанфыча к столу. А я подошёл и без приглашения.

Мы с дедом приняли по стопочке, дружно хрустнули огурцом и помолчали, каждый думая о своём. Не знаю, о чём задумался дед Яков, а я смотрел на него и диву давался – передо мной сидел человек, родившийся в прошлом веке, переживший три войны и две революции, переживший царя, Ленина, Сталина и даже «кукурузника» Хрущёва.

- Яков Хрисанфыч, - прервал я молчание, - а как, собственно говоря, с деревнями народ определился? Не расскажешь? Ну, приехали в лес, избы поставили, вот и живи коллективно, чем больше народу – тем лучше! Нет, по деревням разделились.

- Да так и было, Михалыч. Сперва вроде как все здесь, на Чёке, определились. Места здесь были для хлебопашества удобные, по правому берегу грива идёт, леса нет, а что было – то расчистили, покорчевали да пожгли. И распахали потом, благословясь. Но ведь человек не только трудом живёт. Была середь нас община баптистская, шибко их на прежнем месте власти гнобили. А здесь они волю почуяли. И пока мы на пригорке церкву ставили, решили Подсадниковы, Коваренки, Побережнюки и Нестеренки отдельным хутором жить. Подыскали место, да и обустроились. А расстояние от церкви до первого дома с землемером шагами отсчитали, вот и образовалась Шагирка. А уж в Чебеурду и Узас ушли бродяги отпетые, которые на земле не хотели трудиться – охотники, рыболовы, углежоги, да добытчики. Промышляли по Узасу, Каинзасу, Майзасу да Ую.

Дед замолчал, достал из нагрудного кармана особым образом сложенный кусок газеты, оторвал одну страничку и начал свёртывать козью ножку. Кисти его были крепкие, с длинными тонкими пальцами, пожелтевшими от табачного дыма и покрытыми трещинами и мозолями от многолетнего труда. Но они

ничуть не дрогнули, когда он из кисета насыпал табак в козью ножку и прикуривал от спички, прикрывая огонёк ладонями. Крепкий был дед на удивление.

- Дедушка, а давай по второй, - предложил я по отпускной беззаботности и уже потянулся за графином.

- Нет, Михалыч, благодарствуем, но кто ж с утра вторую пьёт? Разве бездельник или неприкаянный какой!

- А вот скажи, Яков Хрисанфыч, что это ты ко мне по отчеству, да по отчеству? Я ведь тебя в три раза младше, а ты вон какой ветеран, чисто праотец библейский!

- Эх, Михалыч, вы в своём городе все обычаи забыли. Вот ты женат? Дети есть? Живёшь отдельным хозяйством? Значится, ты самостоятельный хозяин и обращения соответственного требуешь! А есть такие, что до седых бород Васьками остаются. Думаю, ты не из таковских!

- Надеюсь, Яков Хрисанфыч. А что это ты за речку такую сейчас назвал – Уй? Я раньше про неё и не слышал.

- А чего ж, значит, слушай. В наших краях из Васюганья четыре реки выходят: Чёка наша, южнее - Майзас да Каинзас, а севернее – Уй. На Ую даже я не был, это самое гиблое место, болота непроходимые да урманы чёрные. Там в Отечественную дезертиры скрывались. Много их набиралось, люди разные – и баптисты, которым по вере убивать нельзя, и уголовники беглые, и просто от фронта бегущие. А все – народ таёжный, с ружьишками да топорами. И все на Уй тянулись перезимовать. Там по реке бобровые деревеньки были, а где бобёр – там и медведь, а медведь – это пудов пять мяса и жира, жить можно! Но шибко спокойно им жить не давали. Наезжали к нам, бывало, энкаведешники в голубых фуражках, оставляли в селе заслон, брали проводников из местных и

отправлялись за дезертирами в тайгу. Через недельку возвращались с добычей. Как-то сам видел – на двух телегах везли побитых бородатых мужиков, а на одной лежали мёртвые энкаведешники, но уже без синих фуражек. Эх, война, мать её ити, она и здесь убивала!

На улице слышался рёв подъехавшего трактора. Это прибыл на обед Гена на своём «Белорусе» с тележкой, из которой повыпрыгивали все трое наших пацанов, а из кабины появился и сам Геннадий. Он поздоровался с нами и направился умываться и переодеваться к обеду, а мальчишки обступили нас и, перебивая друг друга, рассказывали, как они с Геной участвовали в ремонте моста через реку. Оказывается, там мужики на повреждённом во время весеннего ледохода мосте соорудили самодельный копр и бабой из лиственного комля забивали новые сваи. И, оказывается, по Генкиной просьбе, мужики разрешили им в этом деле поучаствовать, и пацаны целую сваю в речное дно заколотили!

Ну, что тут скажешь? Давно я не видел, чтобы мальчишки радовались труду, как удовольствию. В городе труд для ребёнка – занятие, зачастую, неинтересное и воспринимается им, как наказание.

Тут и дед Яков до дому засобирался, обняв на прощание засмутившегося Артёмку. Поблагодарил хозяйку за угощение, похвалил мою Наташу за красоту и ушёл, заручившись моим обещанием обязательно прийти в гости.

Здесь и обед подоспел, за которым мы обсудили с Геннадием моё желание посетить родную деревню или то, что от неё осталось.

По Генкиным словам, проехать до Шагирки вполне возможно, там даже мост через Чёку весной поправили, но не в целях поддержания пути на Шагирку, а ради сохранения этого направления в качестве выхода на Васюганье. Хотя и были деревни этого куста разорены, но дорога сюда не пустовала. По ней всё ещё продолжали, особенно интенсивно осенью, перемещаться немалые грузы:

кедровый орех из тайги, клюква с болот, добытые охотниками соболя, птица и лоси.

Дорога, на моё счастье, есть. Уточняю у Гены, когда можно будет туда съездить и на чём? Будь я один, я бы и пешком дошёл, не вопрос. Не уверен, что мне поверят, но я одолевал эту дорогу в семь километров один, пешком, будучи учеником первого класса. Но я мечтаю побывать в родном «стойбище» с семьёй, чтобы всё показать жене и сыну и рассказать им, откуда есть пошёл русский человек, сибиряк Борис Нестеренко.

Гена, не задумываясь, сказал, что практичнее всего будет ехать на мотоцикле. Легковушка там не пройдёт, так что или на мотоцикле, или на гусеничном вездеходе, но вездехода поблизости не наблюдается. А поехать он предложил в субботу – и день выходной, и вернуться можно будет прямо к баньке. Помыться после дороги, попариться и отдыхать потом с чувством выполненного долга. Предложения Гены были выслушаны со вниманием и всеми нами дружно одобрены.

Во второй половине дня мои племянники устроили для нас по моей просьбе экскурсию по Бочкарёвке. А я не переставал удивляться мудрости наших дедов. Это надо же было суметь в новых краях, после степной Полтавщины, в Сибирских лесах такое удобное и красивое место для села выбрать! Не имея карт, не располагая вертолётными и дельтапланами, так понимать и чувствовать окружающую природу, что место для села кажется единственно верным в данном ландшафте!

Село протянулось вдоль реки по её правому высокому берегу. Чёка здесь, выходя из леса, делает внушительную петлю, и эта её излучина представляет собой большой пологий холм, на самом высоком месте которого наши деды поставили церковь. Вот вам и центр села. Правда, от церкви остался только первый этаж, превращённый властями в колхозный клуб, но где же ещё

отплясывать комсомольцам, как не в разрушенном храме? Рядом находились библиотека, магазин сельпо, радиобудка, дизельная электростанция и чуть поодаль – Правление колхоза. Во дворе клуба тянулись к небу три громадных кедра, возрастом гораздо старше советской власти и явно посаженные здесь чьей-то хозяйственной рукой. Это был привет от моих предков.

Поводили нас ребята по селу изрядно: и кузницу старую показали, в которой не было ни электричества, ни станков, но где подковывал коня старый деревенский кузнец, и к мосту нас сводили, на котором они сваю забивали, и, перейдя по мосту реку, завели нас в заросли малины, из которой мы потом мою супругу еле вытащили - до того вкусна была малина. Вот так и прогуляли мы по селу незаметных часа три, здороваясь со встречными и обещая непременно зайти в гости. Сделав по селу изрядный круг, приятно устав и нагуляв аппетит, мы вернулись домой, потеряв мальчишек где-то по дороге. Почаёвничали и передохнули в летней кухне в прохладе и тени.

Не буду здесь подробно описывать, как мы провели два оставшихся дня до субботы, это к делу не относится, но всё складывалось просто замечательно. Мы и купались в реке, и рыбачили, и в лес по ягоду ходили, и один раз даже поблудили немножко, но старый солдат в моём лице быстро сориентировался по солнцу, и мы вышли прямо на тропу, которую потеряли. К Неле постоянно кто-то приходил, чтобы и нас повидать, и про себя рассказать. Круговорот лиц и новых впечатлений не дал заметить, что уже и суббота подошла. Пора собираться в дорогу!

Мальчишки начали собираться загодя, ещё в пятницу. Они готовили жерлицы на щуку, ибо, по их словам, в Шагирских омутах щука обитает крупная и непуганая. Приедем на место, объясняли они Артёму, сразу жерлицы и поставим, наловив старой майкой мальков для наживки. А улов снимать нужно будет по клёву или по отъезду, и широко разводили руки в стороны, показывая размер предстоящего улова. Нас же в дорогу собирала Неля. Она

вручила Генке узелок с едой, бидончик домашнего кваса, а Наташе – тубик мази от комаров и гнуса и пол-литровочку, завернутую в полотенце, но вот чего именно, мы с Геной подсмотреть не успели.

Путь предстоял совершенно не дальний, но мы всё равно присели на дорожку, помолчали и начали усаживаться в транспорт: Гена – за руль своего «Урала» с коляской, я – к нему за спину на заднее седло, Наташа с Глебом - в люльку мотоцикла, а племянники на свой мопед. Взревел от перегазовки мотор мотоцикла, и наш маленький отряд двинулся в дорогу.

Путь наш лежал в противоположную от моста сторону, мимо колхозного гаража, по распаханной, покрытой зелёными всходами гриве в лес и далее вдоль речного берега. Дорога то приближалась почти вплотную к реке, то удалялась от неё довольно значительно, но была хорошо заметна под зарастающей её травой и мелким кустарником. Лишь в одном месте мы довольно долго провозились, преодолевая лесной почти высохший ручей, но с препятствием справились. А я ведь помнил это место! Здесь раньше была гать, и я устоял внимательно себе под ноги. Да, вот они, остатки гати, вдавленные в грунт и грязь полусгнившие жерди настила. Я похвалил себя за открытие.

Преодолев ручей, наш караван остановился на перекур. Мы умылись в речке, покидали в рот лесной ягоды, а я рассказал спутникам, что помню, как мы переезжали по гати этот ручей на телеге. Правил конём мой отец, в телеге сидели мой дед Исак и я, ещё даже не ходивший в школу. Куда и зачем мы ехали, я не помню, но помню, что дед Исак, куривший самокрутку, случайно выпавшим огоньком поджёг сухую соломенную подстилку в телеге, мы поспрыгивали с аварийной телеги, а отец, сбросив пылающую солому, матерился так, что в обеих деревнях, наверное, слышно было! Я прикинул в уме, что отцу тогда лет тридцать от роду было, а вспоминается он мне почему-то солидным мужиком, гораздо старшего возраста по виду. Нет, это не отец старым был, это я был тогда совсем маленьким. Мы расселись по местам и

тронулись дальше. Ехать оставалось километра три, и они промелькнули без приключений под неумолкающий голос лесной кукушки, прорывающийся сквозь сытое урчание мотоциклетного мотора. Это кукование сопровождало нас до самого последнего поворота, за которым показался деревянный мост через Чёку, а за ним ... деревни не было! Была большая прогалина в лесу, но без домов и других построек, без людей и собак, без собачьего лая и гогота гуляющей по улице домашней птицы.

Для Генки это был вид привычный, Наташа вообще ничего не понимала, а я опешил! Нет моей родины, нет Шагирки, воспоминания о которой так прочно во мне сидели, и одно дело об этом услышать, и совсем другое – увидеть катастрофу своими глазами. Мы подъехали к мосту, и остановились. Гена пошёл по настилу из тёсанных брёвен на другой берег, и я увязался за ним.

Десятка три шагов – и вот он, другой берег. Я устремляю взгляд налево и вижу на берегу чуть ниже моста деревянный крест, под ним тракторный каток, радиатор с вентилятором и засохшие цветы на них. Вот оно, это место, куда стремилась моя раненая в детстве душа, тревожа меня смутными воспоминаниями и страшными видениями. Здесь в морозные зимние дни в начале 1957 года, в промежутке между Новым годом и Рождеством разыгралась ужасная трагедия, оставившая в моей детской душе неизгладимый след на всю жизнь. По уровню трагизма этой истории здесь Шекспир с его датским принцем и близко не ночевал. У нас, у русских, всё своё, и трагедии в том числе. Я молча перекрестился.

- Ты знаешь, что здесь случилось? – спросила подошедшая Наташа.

- Знаю, - ответил я, - но не сейчас. На привале расскажу.

- Мост осмотрели – можно перебираться, - подключился к разговору Гена, - куда двинемся? Может быть, на могилки? Вон кладбище старое.

Мы приняли от моста вправо и через пару минут уже были на пригорке у кромки леса. Это и было деревенское кладбище. Твёрдо знаю, что где-то здесь похоронена мать моего отца, моя бабушка Мотя, умершая на троицу 1956 года, почти на моих детских глазах. Я её скоропостижную смерть и похороны хорошо помню. Помню, как гроб несли на кладбище, но где её могила? Бог весть! Уже ничего не найти, не определить, холмики могил почти сровнялись с землёй, всё заросло травой, кустарником и молодыми деревцами – лес наступает. Никаких надписей и рамок с именами и датами, да и кто бы в деревне подписывал и для кого? Свои своих и так знали.

Наташа достала из сумки Нелину пол-литру, как оказалось, водки «Пшеничная», кружку эмалированную и пару огурчиков. Разместила это всё на капоте мотоциклетной люльки, и мы, никого не выделяя, помянули всех лежащих здесь земляков. Они это заслужили, и не их вина, что страна постепенно приходит в запустение, как и этот забытый людьми погост.

Следующим пунктом остановки должен был стать мой дом, или то, что от него осталось. Заехав со стороны моста в покинутую деревню, мы катим по её бывшей единственной улице.

По обе стороны дороги выделяются квадратные возвышенности на месте разобранных домов. И на этих квадратах вымахала конопля под два метра высотой. Это проросло конопляное семя, которым здесь годами кормили домашнюю птицу. По этим конопляным участкам хоть план деревни составляй! Едем медленно, а я вглядываюсь и стараюсь хотя бы примерно вспомнить, кто и где жил. Проехали «дом» отцовских родителей, школу, клуб, магазин, спустились с горочки на повороте реки – и вот он мой «дом»! Абсолютно точно определяю своё детское местожительство. Можно устраивать привал, а потом погулять, повспоминать, принять по рюмочке на родной земле.

Мальчишки наши ещё не проголодались и сразу же засобирались на рыбалку. А мы их и не удерживали, разве что Наташа их репеллентом намазала. И они ушли, длинноногие и длиннорукие, Серёга самый высокий, Артём на голову ниже и Женя, ниже Артёмки тоже на голову. Их уже ждали щуки в омутах и окуни в затонах, благо вода в речке была тёплая, хоть чай заваривай.

А мы с Геннадием пошли на штурм Наташи, имея в уме ту початую бутылку «Пшеничной», которую открыли на погосте. Расстелили на траве под берёзой покрывало из дому, поместили на него нехитрую закуску и заветную «Пшеничную». Налили в кружку, в крышку от бидончика с квасом и в Генкин дежурный стакан из бардачка по пятьдесят грамм и дружно выпили под первый тост, ощущая полную беззаботность и успокоенность. Вот тут-то Наташа и не выдержала. И вопрос она задала Гене, а не мне, но намёк мне был совершенно понятен.

- Ген, а что за крест у моста стоит? Ты ведь должен знать!

- А я и знаю. Тут давным - давно разбился то ли пьяный тракторист, то ли ревнивый комбайнёр. Деревни нет, и спросить некого. А я ведь из Бочкарёвки.

- А ты меня спроси, Гена, - заявил я к немалому его удивлению. Я-то из Шагирки, я знаю, что здесь произошло. Пусть я был мал, не всё сам видел, не всех слышал, но то, что видел, я помню, а что не помню, то повзрослев, у людей выпрашивал, у родных выпытывал. Уж очень сильное впечатление этот несчастный случай на меня, мальчишку, оказал. Я до сих пор не понимаю, почему наши родители позволили нам наблюдать, как развивалась эта трагедия. Трагедия в жизни, а не на сцене, без оптимистического финала и без общего поклона в конце. История эта настолько безысходна в своей сути, что из неё и выводов-то никаких не сделаешь. Наташа, я обещал тебе рассказать, но мне и самому нужно её из себя выговорить!

- Готовы? Тогда слушайте.

Я довольно хорошо помню день, когда началась эта история. Новый год мы уже встретили, а колядовали на Рождество уже после этого несчастья. Вот так обозначаются дни, в которые возвращает меня память. Лет мне было, наверное, шесть, потому что в школе я ещё не учился, но уже хорошо многое помню. В тот день мы, пацаны, никак не могли дождаться вечера – со вчерашнего дня на клубе висело объявление, что передвижка привезёт в деревню фильм с Чарли Чаплиным, по- моему, «Огни большого города». Мы не знали, конечно, Чарли Чаплина в том далёком 1957 году, но каким-то образом до нас дошло, что фильм будет невообразимо смешной. Так и вышло. Ещё засветло к клубу подкатила полуторка с фанерной будкой, из неё выгрузили киноаппарат, движок с генератором и банки с лентой.

К шести часам вечера начали подходить к клубу взрослые. Пришёл и мой отец. Он у киношника был в авторитете, подключал к проектору генератор, стоящий на улице, обеспечивал работу движка и помогал с порядком в клубе. Отец потому был в авторитете, что не являлся колхозником, а работал на ремонте техники в МТС и, значит, получал зарплату деньгами, располагал выходными и имел на руках паспорт. Колхозники же не имели ничего: ни зарплаты, ни выходных, ни паспортов. Такое вот было разделение народа на «чистых» и « не чистых».

Но вернёмся в клуб. В зрительном (и единственном) зале существовала своя иерархия. Впереди на полу сидели мы, совсем мелочь пузатая, на первых рядах сидели пацаны-школьники и подростки, в середине зала располагались женщины, а последние скамейки занимали мужики. И из их порядков во время сеанса поднимались такие клубы махорочного дыма, особенно отчётливо видимые в луче проектора, что я постоянно удивлялся, как это свет пробивается через дым к экрану. Но свет пробивался-таки, и мы уже до половины посмотрели картину с героем в непривычном для нашего взгляда котелке, катаясь натуральным образом по полу от смеха. Смеялись и взрослые, сопровождая некоторые сцены крутым доморощенным комментарием, тем

более, что фильм был немой, а читать по-быстрому строчки на экране было и не с руки после баньки и стакана-другого самогона, и непривычно. Были Новогодние праздники, и это дополняет картину.

Ничто не предвещало беды.

Вдруг дверь в клуб со стуком распахнулась, и в свете проектора в помещение ввалился мужик в полушубке и овчинной шапке. Сначала подумалось, что пьяный, но включили свет, увидели, что человек это не местный, трезвый и только тогда прислушались к его словам.

- Беда, люди! Спасите Фрола! Трактор нужен! – твердил он, как заученно, и толкал мужиков к выходу. Мужики его осадили, привели в чувство: у кого-то в кармане даже четушка оказалась. И, отдышавшись, неожиданный гость стал говорить.

Они с напарником в Орловке разобрали дом, погрузили брёвна на тракторные сани и, зацепив их за трактор С – 80, потащили сани с домом куда-то за Черновку. Доехали до нас, и при переправе через мост санные полозья зацепились за какой-то сук и собрали мостовой настил в кучу. Сани провалились в пустоту и потянули за собой трактор, который полетел с моста в реку. Он-то сидел справа и успел выскочить, а напарник, сидя за рычагами, замешкался и выпрыгнуть из кабины не успел, только высунулся наполовину. Так он в лёд и врезался, наполовину в кабине. Трактор пробил лёд, ушёл в воду, наверху торчит лишь часть кабины и голова напарника. Сам-то спасшийся поднялся от реки на дорогу и пошёл за помощью на свет. И пришёл в клуб.

Тут на первый план вышел мой отец. Кто-то сказал, что он тракторист из МТС, на что отец заявил, что в колхозе техники нет и не было, вся техника в МТС, что у него дома стоит под окном колёсный «Путиловец», но с него толку, как с козла молока. И, вообще, нужно идти на место и произвести разведку. (Вот они, фронтовики.) На этом киносеанс был закончен, и все мужики, а за

ними и мальчишки, отправились к мосту. На улице было темно, и кого-то отрядили сразу за лампами и фонарями. Мороз к ночи крепчал, но было терпимо, иначе бы я просто никуда тогда не пошёл. Мы потолкались немного у взрослых под ногами и отправились спать, ничего не разглядев и ничего ещё не понимая.

Как потом я узнал, за ночь случилось многое. Мужики на месте падения разожгли костры и отрядили коня и нарочного, чтобы донести до властей эту трагическую новость. В Шагирке тогда телефона не было, и звонить поехал человек ночью в Бочкарёвку. Но прежде мужики обследовали место и участников аварии и поняли, что ничего сами сделать не смогут.

В кабине трактора С-80 и С-100 возле рычагов управления находится железная конструкция для воздухозабора и воздушного фильтра. При ударе трактора об лёд эта конструкция смялась и зажала ноги трактористу. И никаким образом мужики не могли его освободить из тисков и вытащить из воды. Нашлись добровольцы, которые в январе ночью раздевались и спускались в воду у застрявшего во льду трактора. Они, опытные механизаторы, ощупали в кабине всё, до чего смогли в воде добраться. И вынесли вердикт – нужно подгонять пару мощных тракторов и тросами вытягивать весь санный поезд на берег, потому что отцепить сани под водой невозможно.

Но не забывайте, что торчащий по плечи из ледяной воды человек был в полном уме и в трезвой памяти. Что у него ноги были зажаты в стальной капкан и, скорее всего, были сломаны. Что он осознавал весь ужас сложившегося положения. Я это представить не могу. Но узнал потом из разговоров взрослых вот такие подробности.

Единственное, чем смогли облегчить участь несчастного, так разве что накачали его крепчайшим самогоном. А к утру подъехали участковый милиционер, один на десяток деревень, фельдшерица с чемоданчиком,

инструктор райкома партии, председатель колхоза из Орловки, откуда трактор вышел в путь, и ещё кто-то, точно не помню.

А к обеду привезли вызванную властями жену несчастного и двух его пацанов лет 15-ти, наверное, прощаться с отцом. И это я описываю уже не со слухов, это я видел сам.

У меня в мозгу на всю жизнь осталась эта картина – пробитый лёд, из полыньи торчит часть кабины трактора и человек, погружённый по плечи в чёрную воду. Совершенно чёрное лицо со впавшими глазами и белыми, как снег, губами. Начинался второй акт драмы. Начальствующий комитет решил начать активные действия. И решение их было гениальным. Поскольку ноги несчастного невозможно освободить, то их нужно ... оторвать. Привели крепкого жеребца с конюшни, двое добровольцев разделись, залезли в воду и обвязали канатами тело несчастного. Тянуть канаты должен был назначенный жеребец. Опять влили в тракториста самогона, а фельдшерица сделала ему какой-то укол. По сигналу милиционера экзекуция началась, конь резво потянул канаты. Боже милостивый, я такого крика никогда больше в жизни не слышал!

Коня остановили, спасаемый, не поддерживаемый канатами, обвис и погрузился в воду. Бывшие рядом кинулись поднимать и закреплять ему голову над водой. Напомню – здесь же на берегу находились жена и дети страдальца, и, как мне сейчас вспоминается, его родители.

Наступал третий акт драмы. Это я тоже видел своими глазами в тот же день, но после обеда. Когда я прибежал на это скорбное место, тракторист уже был в сознании, но только вот что он сознавал? Я услышал какое-то бормотание или причитание в морозной тишине. Подошёл поближе, и отчётливо расслышал, как погибающий человек выговаривает стоящему рядом участковому милиционеру, почти не замолкая, одну и ту же фразу: «Пристрели

меня!» На льду, рядом с прорубью валялись пустые бутылки из-под самогона, как сейчас их вижу. Среди людей на берегу ходила одна новость – из Берёзовки идут сюда два трактора С-100 от геологов. Вся надежда только на них. Но уж путь больно длинный.

Я ушёл домой, потеряв к происходящему всякий интерес или пресытившись обилием негативной информации и тяжёлых впечатлений.

А ночью тракторист в проруби умер. К полудню подошли оба С-100 из геологической партии и, зацепив тросами санный поезд, играючи вытащили его на берег. Труп освободили из стальных тисков и отдали родственникам, трактор погрузили на сани и тоже куда-то увезли. А я ещё долго просыпался по ночам, увидев во сне чёрное лицо со впалыми глазами и белыми, как снег, губами.

- Вот такая вот тракторная история, Наташа, - закончил я свою невесёлую повесть, - и мне давно уже надо было её тебе рассказать, но подходящего повода не находилось. Но вот рассказал – и душу облегчил, тяжело было всё это в себе носить. Я и парнишек на рыбалку выпроводил, чтобы они не слушали таких страхов. Не понимаю, почему наши родители позволили нам смотреть на эти ужасы? Или время такое было безжалостное, послевоенное? Не стало человека – не стало и проблемы? Если они так закаляли наш дух, то мой, точно, не закалился, а, скорее, развился в каком-то ином направлении после этой трагедии. Как знать, как сложилась бы моя судьба, не повлияй на мою душу тёмная сила произошедшей драмы? Я был бы другим – это точно!

Воцарилась тишина.

- Ну, брат, развёл ты тут антимонии, - крикнул Гена, - вон какой тоски нагнал! Мы что, сюда страшилки слушать приехали? Ну, так мне – не страшно! Я понял из твоего рассказа, что крепок мужик сибирский: и рвали его конём, и в воде

топили, и в проруби замерзал, а чуть не двое суток жив оставался! Да и, судя по возрасту, фронтовик был. Вот за таких давайте выпьем, помянем.

Он наполнил нашу тару, и столько доброй энергии излучало его лицо, столько оптимизма звучало в его словах, что на сердце у меня полегчало, и я с удовольствием поддержал его предложение. Кто знал тогда, что жить Геннадию оставалось всего-то лет шесть. Что при заготовке дров в лесу его убьёт падающей лесиной, и семья останется без отца, мужа и работника. Лежит он сейчас в Бочкарёвке на погосте и ему ничего уже не страшно...

После стопочки-дугой разговор возобновился в благодушном тоне, мы пошли гулять по Шагирке в районе нашего «дома». Нашли остатки пасеки, пчёлы с которой однажды загнали меня в реку, нашли на реке заводь, богато украшенную цветущими кувшинками. А там и мальчишки подошли с рыбалки, довольные выше крыши – на кукане несли они четырёх окуней размером с мой полуботинки и пару щучек, по полметра длиной каждая. Вот это рыбалка!

Как же мала была наша деревня. Только теперь, стоя на пригорке практически в центре селения, я мог охватить взглядом всю территорию. Вон там – мост, справа кладбище, а прямо на меня простирается бывшая главная и единственная улица деревни, спускается с пригорка, на котором я расположился, делает резкий поворот вправо, повторяя излучину реки, и на речном же берегу обрывается. Предпоследний слева дом, вернее, квадрат гигантской конопли на месте усадьбы, и является тем местом, куда мы с моим двоюродным братом Федькой, будучи лет шести от роду, надумали залезть в поисках мёда. Знали ведь, что у дяди Марка в огороде стоят ульи, вот и решили полакомиться, предприимчивые, но бестолковые. Ах, как же нас гнали пчёлы из огорода! Прекрасно помню, как я влетел в избу, дико крича и хаотически отмахиваясь. Отец был дома во дворе, сначала ничего не понял, потом, по-видимому, атакованный пчёлами, круто матюгнулся и, схватив меня сзади за рубашку, рыкнул мне в спину: «В реку!» И мы понеслись к Чёке, благо до

берега было, как я сейчас вижу, всего-ничего. Момент – и мы уже в реке, только макушки торчат из воды. Вот так я за мёдом слазил в чужой огород!

- Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи? – приговаривал отец, когда мы вылезли на берег и шли до дома, он – мокрый весь, а я – с интенсивно распухающей физиономией.

Что это значит, я не понимал, да и теперь не совсем понимаю, причём тогда была эта фраза из «Тараса Бульбы», но привожу этот случай в доказательство того, что отец мой был человеком начитанным и с чувством юмора. И юмора, надо сказать, весьма оригинального. Так, однажды зимой, в трескучие морозы, он вошёл в дом с улицы с топором в руке, а топор был покрыт красивыми морозными узорами. Я и рот открыл, когда высунулся с печи и увидел такую красоту. Отец отреагировал моментально: - Красиво? На, лизни! – и протянул топор мне к лицу. Ну, я и лизнул... Как же он смеялся, когда мой язык прилип к раскалённому от мороза обуху. Вот такой юморист был мой покойный отец. О родителях плохо не говорят, а для меня отец вообще был непререкаемым авторитетом. И оставался таковым до тех пор, пока я, будучи уже лет четырнадцати от роду, всё-таки решился прекратить его пьяные издевательства над мамой, сгрёб отца в охапку, завалил его на кровать, связал и дал выволочку его же брючным ремнём. В скорости после этого он из семьи ушёл. И Бог с ним.

Жена моя в это время заставила мальчишек перекусить нехитрыми нашими запасами, и они, особенно Артёмка, начали донимать меня разными вопросами по истории деревни и назначению остатков почти уже невидимых строений. Благодаря этим вопросам, я вспомнил, что совсем уж в раннем детстве мы жили в другом месте деревни, рядом с избой деда Исака. Мы пошли искать это место, основываясь даже не на памяти моей, а на каком-то шестом чувстве. И нашли! Мы определили место, на котором стоял мой первый в этой жизни дом, дом, с которого я отчётливо помню себя как личность. В густых

зарослях гигантской крапивы и конопли что-то темнело. Раздвигая их подобранной хворостиной, я подобрался поближе и обнаружил вросший в землю ... «Фордзон-путиловец»!

Да, это был, бесспорно, он – отцовский трактор, постоянно стоявший под нашим окошком. Вот потому-то он и стоял, что был не на ходу, красавец – железные колёса с огромными шипами, дырчатое металлическое сиденье на листовой пружине, кабины нет, а из двигателя сбоку торчит большой шкив для привода на молотилку. Изготовлен он был, видимо, так основательно, что разобрать его в своё время инструмента не нашлось, а целиком вывезти у кого-то руки не дошли. Вот и земляка нашёл, подумалось мне, а мальчишки просто обалдели от вида этого монстра. Серёжка с Женей тут же начали строить планы по эвакуации этого раритета.

Время пролетело на удивление быстро, и Гена сказал, что пора и домой подаваться. Погостили - и будет, тем более, что погостили хорошо. Столько историй, воспоминаний и находок для нашей маленькой экспедиции я и сам не ожидал. А меня не покидало чувство удивления от того, как мал был на самом деле тот мир, который мною в детстве ощущался огромным и таинственным. Вся моя вселенная того времени помещалась теперь на трёхстах метрах лесной опушки и речного берега. И эта вселенная скоро совсем потеряется в сибирском лесу, мост сгниёт, а дорога зарастёт... Потом придёт очередь Бочкарёвки, потом - России. Нет, народ не разъезжается, народ вымирает. Прости, Шагирка, мы больше сюда не приедем. Это точно.

Сборы были недолги, рыбу ребята ещё перед обедом посолили, чтоб не пропала, тщательно затушили костерок – и по коням!

Прощай, Шагирка, несуществующая уже моя родина! Прощайте, славные мои родичи и земляки, простите нас, коли что не так. Спасибо вам за землю эту, за эту реку и лес, за небо над головой и ласковое солнце. Спасибо вам за жизнь! Дай Бог, чтобы меня помнили так, как помню вас я – крепко, с любовью и благодарностью...

Литературный клуб Исеть

<http://literklubisety.ucoz.com/>

2016